

Поль в окружении монстров прошел через множество глубоких и мрачных туннелей. Сначала он думал, что его утащат в какое-то грязное, вонючее логово — в легендах говорилось, что обитатели бездонных демонов вечно завалены костями и гниющим мясом, а вокруг кишат мухи.

Но когда вид перед глазами неожиданно прояснился, Поль замер.

Это был огромный, почти пустой каменный грот.

Стены вокруг казались гладкими, словно отполированными, — холодными, твердыми, без единой лишней линии.

А высоко под сводом висело несколько пучков бледных кристаллов, источавших тончайшие нити холодного света, которые освещали все пространство, словно на рассвете.

Прямо посередине возвышалось огромное каменное кресло.

Монстры аккуратно опустили Поля на шкуру, лежащую перед каменным сиденьем.

Шкура была густой и мягкой, и он не мог определить, какому именно дикому зверю она принадлежала. Наощупь она оказалась не только приятно теплая, но и, казалось, сохраняла температуру живого существа.

Однако тупая, непрекращающаяся боль в культе ампутированной ноги все равно медленно пилила кости этого мужчины, словно тупой нож.

Эта боль заставила Поля вести рассказ с присущей униженным людям осторожностью: он знал, что перед лицом подобного существа любая ложь не имеет смысла.

— Я родом с Пиков Метели.

Когда из его уст прозвучало название этой забытой миром страны, в его голосе прозвучало почти благоговейное легкое дрожание.

— Это моя родина, там... повсюду вечная мерзлота, метели, ледники. Хотя в расщелинах скал не вырастить ничего похожего на нормальный урожай, у нас есть свои знамя, песни и король. В детстве мне даже казалось, что Пики Метели — это центр всего мира.

Напротив Поля на него смотрела пара золотисто-плавающих глаз.

— Бог, которому мы поклоняемся, зовется Уроборос.

Голос Поля постепенно становился все более низким, словно его слова выдавливали из головы силой.

— На нибелунгском языке это означает змей, кусающий свой хвост. Его статуя представляет

собой свернувшуюся в кольцо змею, которая держит во рту собственный хвост, символизируя круговорот всего сущего и бесконечность жизни. Его жрецы носят серые одеяния и никогда не покидают Пики Метели. Говорят, они ждут своего короля, ждут эпохи, которая никогда не наступит.

— Но потом пришли ваньланы.

Голос Поля начал першить, а взгляд уплыл куда-то в пожелтевшую даль.

— В тот год мне было всего... пять или шесть лет? Плохо помню. Помню лишь, что тогда мама затолкала меня в погреб. Задвигая деревянную крышку, она наклонилась ко мне, улыбнулась и сказала: «Малыш Поль, давай поиграем в прятки. Ты должен досчитать до десяти тысяч и только потом вылезать. Пока не дойдешь до десяти тысяч, не смей останавливаться, слышишь?»

Голос раба сорвался.

— Я считал. Очень усердно считал. Когда дошел до восьми с лишним тысяч, снаружи стихли любые звуки. Я вылез наружу... Деревни больше не было. Люди исчезли. А в стороне императорской столицы остался лишь клочок дымящейся равнины. Этот дым вздымался так высоко-высоко, прямо как подпирающая небо колонна. Позже я бежал трое суток и трое ночей, пока не нашел тех, кто спаслись из других мест.

Вспоминая этот кошмар, Поль суетливо опустил голову, а его грубые пальцы бессознательно сжали лежавшую под ним звериную шкуру.

— Потом мне рассказали, что это была не обычная война. Ваньланы призвали своего великого заклинателя, но одних только заклинателей было недостаточно — Пики Метели защищал Уроборос: лед и снег пожирала хватчиков, а холодный ветер разрывал горла заклинателям. И тогда ваньланы... Сначала они отправились в другое место, а затем нашли Его.

— Нашли кого? — золотисто-плавающие глаза слегка сузились — это был первый раз за вечер, когда Гидодора заговорил первым по собственной инициативе.

— Уробороса.

Поль поднял голову, в его янтарных глазах застыло пустое оцепенение.

— Его храм стоял на вершине Пиков Метели, в месте, покрытом вечными снегами. Ваньланы привели с собой триста заклинателей, и те читали заклинания семь дней и семь ночей. Я слышал от спасшихся жрецов, что каждые два часа чтения эти заклинатели перерезали кому-нибудь горло и кропили кровью снег. До самого последнего дня все небо было фиолетовым,

снег на Пиках Метели полностью растаял, и горный поток смыл все деревни. С тех пор... Уроборос больше не отвечал ни на одну молитву.

— Убит?

— Я не знаю. Жрецы говорили, что боги не умирают по-настоящему. Но Его действительно... больше нет. С тех пор Пиков Метели не стало. Те, кто выжили, превратились в рабов, в рабов-хворостинок. Нам на лбу выжгли огненный узор, что на нибелунгском языке означает «вечно не прекращающий трудиться слуга».

Гидодора молча слушал.

Однако в глубине его золотисто-плавающих глаз что-то медленно бурлило.

Его самого тоже убивали — те самые боги пронзали железными цепями его сухожилия, прибавали золотыми гвоздями позвоночник, а его тело разрубили на десять частей и десять колдунов разнесли их по краям света, чтобы запечатать.

Разве боги тоже могут умереть?

Гидодора не знал, но он знал одно: уничтоженные существа порой возвращаются — например, он сам.

— Расскажи о своей семье.

Пожалуй, это были одни из немногих теплых воспоминаний Поля, и на его изборожденном морщинами лице даже проступила слабая улыбка:

— Лэанна... Она моя жена.

— Мы познакомились в Городке Шлака — так ваньланьцы называли лагерь для рабов, где земля вечно пылает огнем, а с небес непрестанно сыплется пепел. Ее привели с земель Поси, говорят, ее родители погибли по дороге во время переселения. У Лэанны очень уверенные и нежные руки. Стоило ей прикоснуться к раненым, горячечным больным, как им сразу становилось лучше. У нее прекрасные глаза, серо-голубые, точь-в-точь как не успевшее замерзнуть зимой озеро на Пиках Метели.

Поль погрузился в короткое сладкое воспоминание.

— Лорен — мой сын, ему почти десять, он рассудителен в мать, а память у него просто поразительная. Странствующий священник прочитал писание всего один раз, а он уже смог повторить его слово в слово.

— А еще моя дочь, маленькая Эльза, ей всего шесть лет, она вечно пристаёт ко мне, чтобы я рассказал ей историю... она вечно пристаёт ко мне с просьбами рассказать о Пиках Метели, о тех вещах, которых давно уже нет. Она как-то спросила меня: «Папа, а какого цвета снег?» Я ответил ей: «Белого». Она снова спросила: «А как выглядит белый?» И я не смог ответить.

— Где они сейчас?

Прекрасное мгновение резко оборвалось, и взгляд Поля мгновенно потускнел, вновь став серопепельным.

— Они... все еще на рудниках. Лорену скоро... исполнится десять лет. Это клеймо должны выжечь у него на лбу. С этого дня он станет рабом, и так из поколения в поколение. Я... я не могу допустить, чтобы это случилось. Поэтому я пришел сюда, поставив на кон свою жизнь.

Гидодора слушал молча.

К истории какого-то раба он по идее должен был оставаться совершенно равнодушным. Но рассказы об убитом боге занозой вонзились в какой-то уголок его памяти.

Отзываясь тупой болью.

После этого долго стояла тишина. Настолько долгая, что Поль решил, будто этот разговор окончен.

И тогда Гидодора заговорил, а в его голосе послышалась доля задумчивой лени:

— Расскажи о нынешнем времени. Какими вы, люди, предстаете в этом мире в наши дни?

Поль никак не ожидал, что демон перед ним заинтересуется подобными вещами.

Поэтому ему пришлось собираться с мыслями и по крупицам подслушанного в лагерях рабов, из обрывков сплетен, ходивших у костров, медленно складывать туманную картину.

— Нынешняя Земля Потерянных в общих чертах делится на три великих лагеря. Древнелюди, люди и вечные расы.

— Древнелюди?

— Говорят, это самая древняя раса на свете. Они — потомки колдунов. Согласно легендам, на заре сотворения мира было десять колдунов, созданных богами первыми из всех живых существ. Позже эпоха колдунов миновала, и они породили древнелюдей. А уже после

древнелюди породили нас, людей. Сейчас древнелюди рассеяны по укромным уголкам, говорят, некоторые из них живут в передвигающихся городах, в глубоких подземных пещерах или на вершинах деревьев.

— Они смотрят на нас свысока, полагая, что люди — всего лишь появившиеся позже создания с нечистой кровью, низшая раса. Раньше мы были их рабами, но со временем мы освоили магию и боевые искусства и мало-мальски научились с ними соперничать.

— А вечные расы?

— Они... тоже нелюди. Драконы, эльфы, гномы, русалки, крылатые... Короче говоря, их тоже немало. Хотя численность их относительно невелика, каждый из них пугающе силен. Тысячелетиями они никогда не участвовали в человеческих войнах, а просто... жили. Впрочем, иногда в их владения забредают невезучие путники, только вот живыми они оттуда уже не возвращаются.

Гидодора слегка кивнул.

Это действительно слишком сильно отличалось от двух миров из его воспоминаний.

— Люди же сейчас — одна из сильнейших сил, а люди Земли Потерянных разделены на девять великих царств. Земли, на которых мы сейчас находимся, принадлежат Империи Ваньлань. Они больше всех в девяти царствах превозносят магию и поклоняются Богине Полной Луны.

— Расскажи об этой империи, с самого начала, — произнес Гидодора.

<http://bllate.org/book/19072/1873293>